

УДК 17.036.24
DOI: 10.36979/1694-500X-2023-23-6-42-48

ЭТИКА УТИЛИТАРИЗМА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ПОСТУПКА

Н.И. Осмонова, А.В. Коротенко

Аннотация. На основе анализа основных постулатов этики утилитаризма как нормативно-этической программы, основанной на принципе полезности, выражающейся в содействии к достижению наибольшего счастья для наибольшего числа людей, раскрываются сущность и содержание философии поступка. В рамках утилитаризма поступок претендует быть моральным в том случае, если его результатом явилось количественное суммированное счастье. В этой связи авторами выдвигается позиция от обратного – критерием и мерилom оценивания поступка является не сумма счастья наибольшего количества людей, а сумма страданий на уровне субъективных ощущений и переживаний отдельного индивида. Соответственно этому авторы предлагают преобразовать принцип утилитаризма в рамках этики поступка как «приуменьшение страдания как можно большего количества людей» или «поступай всегда таким образом, чтобы поступок твой в конкретной ситуации приуменьшил страдания наибольшего количества людей».

Ключевые слова: философия поступка; этика поступка; этика утилитаризма; принцип утилитаризма; принцип полезности; счастье; благо.

ИШ-АРАКЕТ ФИЛОСОФИЯСЫНЫН КОНТЕКСТИНДЕ УТИЛИТАРИЗМ ЭТИКАСЫ

Н.И. Осмонова, А.В. Коротенко

Аннотация. Макалада пайдалуулук принцибине негизделген, адамдардын көбү үчүн эң чоң бакытка жетүүгө көмөктөшүүдө туюнтулган нормативдик-этикалык программа катары утилитаризм этикасынын негизги жоболоруна талдоо жүргүзүүнүн негизинде иш-аракет философиясынын маңызы жана мазмуну ачылып көрсөтүлөт. Утилитаризмдин алкагында, анын натыйжасы сандык жалпы бакыт болгон учурда, иш-аракет адеп-ахлактуу деп ырастайт. Буга байланыштуу авторлор карама-каршы позицияны белгилешет – иш-аракетке баа берүүнүн критерийи жана чен-өлчөмү көп сандаган адамдардын бактылуулугунун жыйындысы эмес, жеке адамдын субъективдүү сезимдеринин жана башынан өткөндөрдүн деңгээлиндеги азаптардын жыйындысы болуп саналат. Ошого жараша авторлор иш-аракеттин этикасынын алкагында утилитаризм принцибин мындай деп өзгөртүүсүн сунушташат: «мүмкүн болушунча көп сандаган адамдардын азаптарын азайтуу» же «дайыма ушундай кыл, сенин иш-аракетиң конкреттүү кырдаалда сандагы адамдардын азаптарын азайтсын».

Түйүндүү сөздөр: иш-аракет философиясы; иш-аракет этикасы; утилитаризм этикасы; утилитаризм принциби; пайдалуулук принциби; бакыт; береке.

ETHICS OF UTILITARIANISM IN THE CONTEXT OF PHILOSOPHY OF ACTION

N.I. Osmonova, A.V. Korotenko

Abstract. Based on the analysis of the main postulates of the ethics of utilitarianism as a normative and ethical program based on the principle of utility, which expressed in helping to achieve the greatest happiness for the greatest number of people, the article reveals the essence and content of the philosophy of the act. Within the framework of utilitarianism, an act claims to be moral in the event that its result was a quantitative summed happiness. In this regard, the author puts forward a position from the opposite – the criterion and measure for evaluating an act is not the sum of happiness of the largest number of people, but the sum of suffering at the level of subjective sensations and experiences of an individual. Accordingly, the author proposes to transform the principle of utilitarianism within the framework of the ethics of an act as “minimizing the suffering of as many people as possible” or “always act in such a way that your act in a particular situation diminishes the sufferings of the greatest number of people”.

Keywords: Philosophy of action; ethics of action; ethics of utilitarianism; principle of utilitarianism; principle of utility; happiness; good.

В истории этики рефлексия над моралью и способами её обоснования возникла как философия поступка. Как утверждал Аристотель, «цель этики – не познание, а поступки»; её изучают не для того, чтобы знать, что такое добродетель, а для того, чтобы быть добродетельными [1]. В этом смысле этика как практическая философия, в частности, аристотелевская этика как «этика поступка» нацелена на исследование реального поступка конкретного индивида. Поэтому каждый раз, когда осуществляется рефлексия над моралью, а конкретно сочетанием мотивов человеческих поступков и способов их обоснования, встаёт вопрос о том, как доказать необходимость исполнения моральных законов конкретным индивидом как универсальных, всеобщих законов, обладающих абсолютной необходимостью именно для него. На этот вопрос этика Канта отвечает, что такое возможно «из чувства уважения к моральному закону» или «из чувства долга», который разумная (добрая) воля задаёт самой себе. С точки зрения Канта, есть только один моральный мотив – долг как уважение к моральному закону. Поэтому, согласно кантовской «этике долга» или «этике закона», «конкретный, индивидуальный поступок оказывается значимым только в качестве примера, образца воплощения общезначимых норм в реальность» [2, с. 73]. В результате этого в фокусе этики оказываются императивы, предписания, принципы, осмысленные в качестве проявлений универсальных и всеобщих законов, как, например, категорический императив Канта.

Таким образом, в аристотелевской этике поступка не учитываются универсальность и всеобщность морального закона, а в кантовской этике – индивидуальность и конкретность поступка. И возникает вопрос: возможна ли такая этическая концепция, которая бы органично соединила эти две противоположные точки зрения, этику поступка Аристотеля и этику закона Канта? Иначе говоря, что это за поступки, которые, будучи конкретными и единственными, являются одновременно закономерно всеобщими и универсальными? Как в поступке осуществляется единство мотива и результата, целей и средств? Решение данного вопроса, как утверждают философы, составляет центральную

теоретическую проблему современной этики и важнейшую моральную проблему современного человека [3].

Такой этической концепцией, согласно академику А.А. Гусейнову, является философия поступка М.М. Бахтина [4], которая основана на двух видах ответственности: «специальной ответственности, которая касается содержания поступка, и нравственной ответственности, которая касается факта поступка» [3]. Далее, рассуждая об их различии, А.А. Гусейнов пишет: «Специальная ответственность зависит от теоретического отношения к миру, воплощённого в знаниях, нормах, умениях, и т. д. Нравственная ответственность определяется неповторимой единственностью жизни того, кто совершает поступок» [3]. Отсюда «поступок становится поступком тогда, когда он рефлектирует себя в обе стороны и обретает единство двусторонней ответственности. Теоретическое отношение к миру не содержит в себе необходимости поступка: из того, что поступок возможен, вовсе не вытекает, что я должен его совершить. В отличие от этого нравственно-практическое отношение к миру (сам факт поступка) выводит в область теоретически расчётливого отношения к нему: решение совершить тот или иной поступок ведёт к обдумыванию того, как это сделать наилучшим образом. Следовательно, совмещение двух видов ответственности в едином акте поступка возможно только таким образом, что специальная ответственность оказывается вторичной по отношению к нравственной ответственности, становится приобщённым моментом последней» [3]. Исходя из этого, согласно концепции М.М. Бахтина, моральный поступок – это ответственный акт, в котором сосуществуют в единстве мотив, действие и результат.

Принять на себя ответственность и поступать согласно долженствованию – и означает поступать нравственно [5]. Следовательно, мораль задаёт такой свойственный именно человеческим поступкам взгляд на мир, когда быть означает быть моральным. Моральный поступок, как правило, может называться таковым, когда мотивирован совершением блага.

Некоторые направления этической мысли, развиваясь, стремились к объективизации

понятия блага на нормативном уровне социального пространства таким образом, чтобы его можно было измерить универсальным способом в каждой ситуации совершения поступка индивидом. Так в XVIII веке появилась нормативно-этическая практическая концепция, которая стремилась объединить intersubjective и социальное пространства оценивания поступков людей, используя универсальный критерий, – стремление в каждом конкретном поступке к максимальной полезности. В малом масштабе – для всех затрагиваемых, на которых напрямую или косвенно повлиял поступок, в более крупном – для всего человечества в целом. Это направление в этике получило название «утилитаризм».

Утилитаризм представляет собой нормативно-этическую программу, которая выдвигает в качестве критерия моральной правильности поступков или оправданности частных правил количество произведённой ими суммированной полезности. Под полезностью могут пониматься счастье, удовольствие, благосостояние, удовлетворение желаний, удовлетворение предпочтений или реализация интересов индивидов. В ходе суммирования полезности каждая её порция имеет равную значимость, вне зависимости от того, какой индивид её получает. Резюмирует нормативную программу утилитаризма принцип наибольшего счастья наибольшего количества индивидов (принцип пользы, или полезности) [6].

Утилитаризм исходит из того, что благо, или польза, подлежит универсальному измерению. Счастье отдельных индивидов сравнивается и суммируется, определяя на основе анализа приращений полезности и её потерь некий итоговый индекс, относящийся к индивиду или к совокупности индивидов на определённый момент времени.

Суммирование полезности в отношении к группам людей предполагает, что уменьшение полезности, затрагивающее одного человека, может быть скомпенсировано увеличением полезности, затрагивающим другого (это же правило действует в отношении других живых существ). Применительно к людям каждая порция полезности имеет равную значимость, вне

зависимости от того, какой человек её получает. Соблюдение подобного равенства является императивным при определении суммированной полезности. Приращение суммированной полезности делает мир лучше. Выбирая между доступными к совершению альтернативными действиями или претендующими на признание системами норм, моральный деятель должен исходить из того, какие из них обеспечивают наибольшее приращение суммированной полезности. Резюме нормативной программы утилитаризма считается принцип, требующий содействовать наибольшему счастью (удовольствию, благосостоянию, удовлетворению предпочтений, реализации интересов) наибольшего количества людей [6].

Стремление к стяжанию всеобщей полезности – это попытки скоррелировать собственные действия к достижению счастья с действиями других индивидов таким образом, чтобы они как минимум не противоречили друг другу, не отдаляли друг друга от счастья. Однако счастье нельзя назвать внешним ресурсом, который можно приобрести извне, а также поделить таким образом, чтобы оно было большей частью у одного, а меньшей у другого. По своей форме – это не колодец, из которого до истощения черпается вода, а по содержанию – это не вода как универсальный «утолитель» жажды (в данном случае жажды быть счастливым). Жажда к счастью утоляется каждым по-своему, но в стремлении к чему-то лично ощущаемому пути людей пересекаются, и они вступают во взаимодействие, либо взаимно отдаляя друг друга от счастья, либо приближая.

Концепт общественной пользы в утилитаризме предполагает отрешение от себя и своих собственных потребностей, желаний и «выгод» во имя свершения общего большего по сумме входящих элементов блага. Может показаться, что эта формулировка схожа с понятием «закон» в его юридическом толковании, который есть предписание, за какие границы не нужно выходить. Однако, если принцип построения закона предполагает чёткое очерчивание границ его влияния, в которых поступок оценивается отчётливо, исходя из выработанных протоколов (посредством повторяемости ситуации после

формулировки «прецедента»), то применительно к понятию «общественная польза» такой подход представляется нереализуемым. В формулировании этого понятия человек неизбежно предрасположен видеть её через призму собственного восприятия. Даже такой предполагаемый поступок, который означает как приносимый счастье и благо другому, по сути, воспринимается таковым на индивидуальном уровне, а не на сложении общественных мнений. Получается, что концепция утилитаризма, которая изначально задумывалась как оппозиция эгоизму в поступках в своём основании, сама имеет скрытый эгоистический посыл. Эгоизм состоит в том, что индивид, предполагая, что принимает объективное решение из-за мнимого представления об отрешённости понятия «общество», на самом деле выключает других из значения того, что они могут понимать под пользой. Общество хоть и является собирательным концептом, но всё же состоит из людей, индивидуальностей, которые неизбежно будут с разной степенью дифференцированности обустройства для себя понятие «польза».

В рамках философии утилитаризма поступок претендует на означение моральным в том случае, если его результатом являлось большее суммированное счастье. Однако в противовес не выдвигается индексирование обратного эффекта – суммированного страдания. А ведь страдание посчитать и индексировать легче даже на индивидуальном уровне: сложно отдать себе отчёт, почему ты не находишься в состоянии счастья, но очень часто индивид может назвать причины своего страдания (пусть даже если причина не есть на самом деле то, что вызывает у него страдание, важен сам факт обозначения оной). Поступок, означенный индивидом как приносящий пользу другому, в восприятии этого самого другого может иметь противоположный эффект – причиняющий ему страдание. Соответственно, более объективным мерилем поступка будет то, насколько он сыграл роль в том, чтобы приуменьшить состояние страдания в системе его воздействия.

Однако закономерно встаёт вопрос, насколько вообще поступок, а в большем масштабе люди, могут повлиять друг на друга, на свои

состояния? Здесь не стоит впадать ни в одну из крайностей:

1) всеобъемлющее, всеуровневое и всеистемное влияние людей друг на друга. Зависимость внутренних состояний и структур поведения и личности только от внешнего воздействия;

2) полная независимость индивида от внешних воздействий.

И если вторая крайность интуитивно понимается как не совсем соответствующая истине, то в первую в той или иной степени впадают большинство практических этических теорий. Исключением не стал и утилитаризм, базовым посылом которого является то, что один человек в принципе может осчастливить другого. Упомянутое слово «в принципе», мы имеем в виду, что утилитаризм подразумевает полную объективизацию предполагаемого осчастливливаемого индивида, которого можно привести в состояние счастья извне от начала процесса и до конца. Получается, что теряется компонента некоего внутреннего усилия человека, стремления, воли к жизни. Человек означает полностью поддающимся влиянию извне. И аргументируется это абстрактной, обобщённой формулировкой понятий «польза» и «счастье», которые в философии утилитаризма не могут и не должны описываться как принадлежащие кому-то одному (как бы в противовес эгоизма). Однако страдание и счастье как целостные переживания на уровне ощущений в любом случае могут принадлежать лишь одному индивиду.

Мы попытаемся привести доводы, которые предлагают другую описательную систему отношения счастья и страдания. Для начала необходимо определить, а на что вообще человек может повлиять своим поступком в отношении другого человека. Например, поступком может стать стремление одарить человека чем-либо как в материальном (едой, деньгами, машиной и т. д.), так и в духовном смысле (советом, наставлением, образованием). Однако без участия другого, того, на кого направлен акт осчастливливания, эта деятельность не получит своего развития дальше уровня попытки и стремления. Всё дело в категории выбора индивида. В его праве «взять» или «не взять», т. е. свершить акт выбора. Можно подвести коня к водоёму,

но нельзя насильно заставить из него напиток. Должна присутствовать компонента внутреннего стремления, а в данном контексте принятия мотива актора поступка, т. е. конечный выбор быть счастливым или страдать остаётся за самим человеком.

Но что же всё-таки можно сделать для другого в своём бескорыстном стремлении осчастливить его? Для лучшего понимания давайте представим линейную модель, на которой будет не только две точки: *счастье и страдание*, но появится *третья – так называемая «точка нуля»*. Эта точка, когда индивид, исходя из внешних на него влияний, будь то мир или другие люди, становится в позицию выбора, в метафорическом смысле – испить из чаши счастья или страдания? И в этом выборе заключаются так называемая тайна и непредсказуемость человеческого бытия. При прочих равных некоторые рабочие, выполняющие рутинную работу, могут быть счастливы, а какие-то ненавидеть свою жизнь. Но равно таким же образом не каждый миллионер счастлив и «не меньше последних устал, быть может». Это позиция оценки всего, что с ним происходит. Эта точка носит неуловимо безвременный характер, и человек множество раз приходит в неё. Не выявлено пока рациональных причин и условий, при которых человек бы в ней непременно оказывался. Но тем не менее, оказавшись там, где всё на мгновение становится равным в аксиологическом смысле и как бы находится в видимом обозрении, индивид вследствие усилий, которые можно назвать волей, делает выбор, который склоняет его либо в сторону состояния счастья, либо страдания. «Мы либо делаем себя жалкими (несчастливыми), либо делаем себя сильными – объём затрачиваемых усилий остаётся одним и тем же» [7]. Но это самое «последнее усилие» не принадлежит никому другому, его можно сделать только самостоятельно. Следовательно, всё, что мы можем, – так это своими действиями (поступками) стараться привести человека к «нулевой точке». И моральным в данном контексте будет такой поступок, который не выводит человека из состояния счастья в нулевую точку, а, наоборот, выводит в неё из состояния страдания, где человек будет иметь возможность совершить выбор:

быть счастливым или несчастным. «Если хочешь быть счастливым – будь им!»¹. Поэтому всё, что означается хорошим в общественном смысле (создание благоприятной безопасной среды, право на здоровье, всеобщее образование, поддержка творческих инициатив), может считаться моральным и правильным. Но никогда на 100 % неизвестно, принесут ли они ожидаемый результат. Поэтому дополнительным индикатором следует ввести «чувствительность к страданию», как то, что ограничит сферу возможных общественно полезных поступков. «Боль остаётся болью, страх – страхом, а любовь – любовью даже в матрице. Не имеет значения, чем вызван ваш страх, – группой атомов во внешнем мире или электрическим сигналом, которым управляет компьютер» [8, с. 75]. Матрица в приводимом контексте – это что счастье идентифицировать легче, чем страдание. На деле всё наоборот. Если включить страдание, пусть даже одного человека в систему оценивания, то поступок, даже означенный как общественно полезный, приобретает другой окрас. Не каждый индивидуально бы решился на такое, может быть, и правильно. Сложно посчитать, сколько людей счастливы, но можно очень точно узнать, сколько несчастны. Если воспринять страдание одного человека как своё собственное, проникнуться к нему эмпатией, то даже во имя многих не захочется мотивированно намеренно причинить ему боль.

Советский и российский философ и методолог Г.П. Щедровицкий писал, что человек – это такой сгусток природного материала, который может принять на себя воздействие среды, целенаправленного обучения и может формироваться под влиянием этих воздействий и стать человеком. При этом не совсем точным будет утверждать, что другой человек лепит из этого материала, как из глины, человека. Он оказывает воздействие, но не немаловажным является компонента внутреннего саморазвития. Конечно, среда очень важна и оказывает определяющее влияние, но и каждый человек в каждой

¹ Эти слова принадлежат Козьме Пруткову – не настоящему человеку, а вымышленному персонажу. Его придумали ради шутки известный русский поэт Алексей Константинович Толстой и его двоюродные братья Жемчужниковы. Фраза стала крылатой.

точке своего развития выбирает свой путь сам [9]. Следовательно, если счастье является индивидуальным переживанием или предполагаемым следствием поступка, которое в теории утилитаризма тождественно пользе, то окончательный выбор критериев и детерминанты пользы остаётся за каждым человеком по отдельности. А это означает, что универсализировать и выделить эссенцию хорошего поступка как такового, мотивом которого является общественная польза/счастье, – представляется практически невозможным. Мотивы поступков не просто побуждают к определённому действию, они придают ему субъективный, личностный смысл, который не обязательно может совпадать с воззрениями другого, находящегося в сфере влияния поступка человека. И если поступок осознан, то, как правило, этот смысл для индивида сочетается с его внутренней системой ценностей и воззрений на конкретную ситуацию.

Действительно, неконкретных поступков не бывает. М.К. Мамардашвили, ссылаясь на авторитет Сократа и Платона, говорит: можно сказать, что такой-то поступок – добрый, блестящий, и на нём может быть построено вообще определение нравственных норм. Но у них нет ответа: как определить, что такое – честно, а что – не честно. Они отвечают, что ответ мы знаем только в каждый конкретный раз. Предполагая под этим существование какого-то органа узнавания, работающего только конкретно, его можно назвать интуицией, нравственной развитостью, которые ничем не заменить [10].

Если преобразовать поступок в логике утилитаризма, где концептуально в основе будет лежать «приуменьшение страдания как можно большего количества людей», то может получиться такая динамическая модель, состоящая из следующих стадий:

1) совершается поступок, мотивированный к приведению человека (или большое количество людей) из страдания к «нулевой точке»;

2) выбор индивидом (а в сложении – и общности людей) стать счастливым (счастливыми) при тех условиях, которые были созданы. Иначе говоря, актер поступка интуитивно угадал то, что смогло помочь человеку сделать выбор двигаться по пути счастья;

3) происходит взаимное понимание субъекта и объекта поступка, и создаётся потенция для обоюдного получения счастья как от процесса, так и от результата совместных действий. Только тогда, если наступает эта стадия, создаётся пространство «общего счастья» и «общей пользы».

Соответственно, увязывая 3 категории: бытие, поступок и польза (благо), в концепции утилитаризма может получиться такой постулат: *«Поступай всегда таким образом, чтобы поступок твой в конкретной ситуации приуменьшил страдания наибольшего количества людей»*. Такая формулировка очень близка к кантовскому категорическому императиву, за исключением того, что утилитаризм подразумевает, что не может существовать такого поступка, который в определённых условиях бы мог являться всеобщим законом. С точки зрения этики утилитаризма поступок всегда относителен.

Таким образом, перечисленные выше поведенческие постулаты и шкалы оценивания дают основание предположить, что в контексте этики поступка можно преобразовать принцип полезности утилитаризма и произвести переход от количественного общественного измерения счастья к качественному индивидуальному измерению страдания в качестве субъективного принципа переживания (сопереживания, эмпатии), тем самым направив индивидуальные цели и мотивы своего поступка таким образом, чтобы в каждой конкретной ситуации они приуменьшали страдания наибольшего количества людей. На наш взгляд, такая интерпретация этики утилитаризма в рамках философии поступка не преуменьшает её роль, а, наоборот, ещё более усиливает и актуализирует утилитаризм как концепцию, созвучную современным дискуссиям об иных измерениях понимания как счастья, так и страдания.

Поступила: 17.04.23; рецензирована: 02.05.23;
принята: 04.05.23.

Литература

1. *Аристотель*. Никомахова этика // Аристотель: соч.: в 4 т., Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 53–295.

2. *Кант И.* Основы метафизики нравственности // *И. Кант: соч.: в 6 т. Т. 4. Ч. 2.* М.: Мысль, 1965. 478 с.
3. *Гусейнов А.А.* Понятие морали // *Этическая мысль. Вып. 4 / А.А. Гусейнов.* М.: ИФ РАН, 2003. С. 3–13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-morali> (дата обращения: 25.02.2023).
4. *Бахтин М.М.* К философии поступка / *М.М. Бахтин: собр. соч.: в 7 т. Т. 1.* М.: Русские словари, 2003. С. 7–68.
5. *Рогожа М.М.* Моральный поступок и моральное действие: критерии оценки // *Этическая мысль.* 2010. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moralnyu-postupok-i-moralnoe-deystvie-kriterii-otsenki> (дата обращения: 25.02.2023).
6. *Прокофьев А.* Утилитаризм / *А. Прокофьев // Философская антропология.* 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/utilitarizm> (дата обращения: 25.02.2023).
7. *Кастанеда К.* Путешествие в Икстлан. Учение дона Хуана / *К. Кастанеда.* М.: Эксмо, 2002. С. 427–687.
8. *Харари Ю.Н.* 21 урок для XXI века / пер. с англ. Ю. Гольдберга / *Ю.Н. Харари.* М.: Синдбад, 2019. 416 с.
9. *Щедровицкий Г.П.* Система педагогических исследований (методологический анализ) // *Педагогика и логика / Г.П. Щедровицкий, В.М. Розин, Н.Г. Алексеев, Н.И. Непомнящая.* М.: Касталь, 1993. С. 16–201.
10. *Мамардашвили М.К.* Лекции по античной философии / под ред. Ю.П. Сенокосова / *М.К. Мамардашвили.* М.: Аграф, 1998. 320 с.